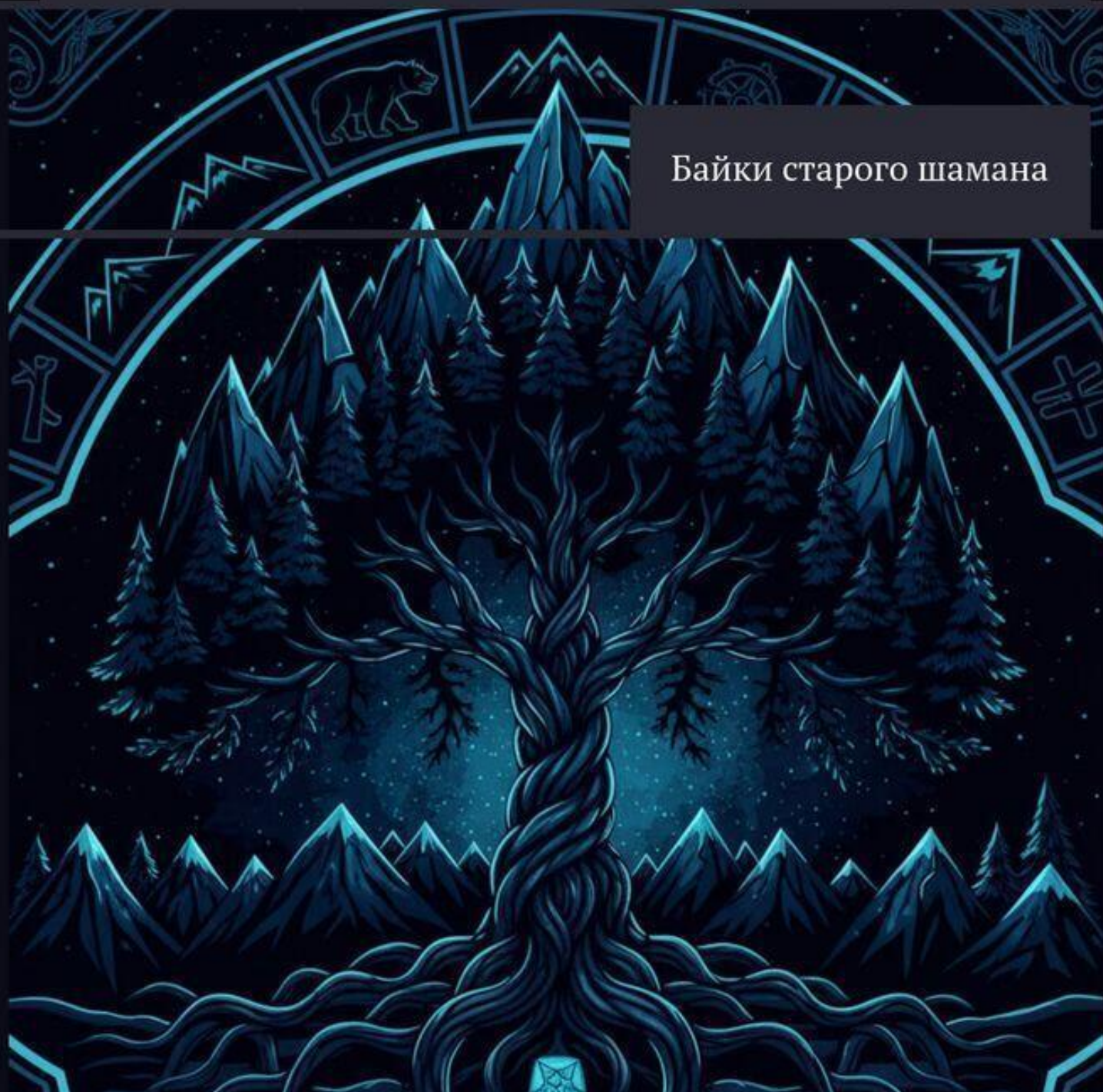

12+

Татяна Fleksy

Легенды Черноисточинска

Байки старого шамана

Татьяна Fleksy

**Легенды Черноисточинска.
Байки старого шамана**

«Издательские решения»

Fleksy T.

Легенды Черноисточинска. Байки старого шамана / Т. Fleksy — «Издательские решения»,

В книгу вошли предания старинного посёлка, где на реке Чёрный Исток стоял демидовский завод, о тайной чеканке монет, о крепостном мастере Клементии Ушкове, получившем вольную за постройку канала. Рядом с народными сказаниями — научные историко-краеведческие исследования, раскрывающие их глубинные корни и подлинный смысл. Издание является частью иммерсивного проекта со световыми живописными картинами Люмифлюкс Арт, где слово и свет сплетаются в единое, неразрывное переживание.

Содержание

Вступление. Когда приходят двое	6
ЛЕГЕНДА ПЕРВАЯ. ТАЙНА ЧЁРНОГО ОЗЕРА	8
Историческая справка	10
ЛЕГЕНДА ВТОРАЯ, СТРАЖ МЫСА КРУТИКИ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Легенды Черноисточинска Байки старого шамана

Татьяна Fleksy

© Татьяна Fleksy, 2026

ISBN 978-5-0069-9153-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление. Когда приходят двое

Есть сны, из которых не хочется возвращаться — не потому что там лучше, а потому что там правда.

Он пришёл снова той ночью, когда за окном шёл мелкий уральский дождь, тихий, как дыхание спящего ребёнка, как шёпот старой реки, которой некуда торопиться. Маленький старик с детскими глазами — тот самый, в расшитой тёмной одежде с орнаментами, в которых живут птицы и реки. Тот, кто однажды выглянул из-за сосны в этнопарке «Ермаково городище» и улыбнулся мне так, будто давно ждал. Я узнала его сразу. Во снах узнаёшь не лицо — узнаёшь присутствие.

Но в этот раз рядом с ним стоял другой. Высокий, молчаливый, тёмный, как нависшая гроза, в одежде тяжелее и темнее, пахнувшей глубокой водой и хвойной смолой, которая настаивалась века. На поясе — обереги из кости и камня, каждый из которых, казалось, помнил имя того, кто его вырезал. Лицо такое же древнее, как у первого, но совершенно иное: не детское, не распахнутое — сосредоточенное, как поверхность озера в безветренный день, когда не знаешь, что скрыто под этой неподвижностью: красота или бездна.

Маленький старик посмотрел на меня и сделал то, что умеют только очень мудрые существа, — ничего не объяснил. Просто показал рукой: вот, смотри. И отступил назад, как отступает проводник, когда дорога найдена. Тот, другой, смотрел долго. Не изучал. Вспоминал. Будто видел во мне что-то, что сам когда-то знал, а потом утратил — вместе с телом, с именем, со временем, в котором жил. Потом заговорил. Заговорил не словами. Словами во снах почти никогда не говорят. Он говорил так, как говорит земля, которая долго молчала и наконец решилась: всем телом, всей тяжестью, всей памятью разом.

Я поняла: он жил там, где сейчас Черноисточинск. Там, где тёмная вода озера держит небо на своей поверхности и не торопится его отпускать, где лес подходит к берегу так близко, словно хочет войти в воду, но каждый раз останавливается — то ли от страха, то ли из чего-то похожего на уважение. Он был шаманом этих мест. Он ждал долго, с той особой тишиной, которая бывает у тех, кому есть что сказать, но некому. Пока маленький старик не привёл его ко мне.

Я не спросила: почему именно я? Во снах такие вопросы не задают. Да и наяву — разве мы выбираем, чьи голоса доходят до нас сквозь годы и молчание? Мы только слушаем. Или не слушаем. Я слушала...

Он рассказал о Чёрном озере. О том, как оно появилось не просто так, не по воле случая. За каждым местом стоит выбор, а за каждым выбором — история, и у этого озера своя: такая, что земля помнит её в своих слоях, как тело помнит старую рану — не больно уже, но не забыто. Он рассказал об острове Сосновом. О том, что острова посреди тёмной воды никогда не бывают просто островами: они бывают порогами, или памятью, или ответом на вопрос, который ещё не был задан. О Юрьевом камне. О том, что камни в этих краях не молчат, а просто ждут, пока человек научится слышать. О древних охотниках, ходивших по этой земле тогда, когда у неё ещё не было имени. Когда человек и лес договаривались напрямую, без посредников. А уважение к зверю было не красивым словом, а условием выживания. И о землетрясении. О том, как земля однажды напонила о себе — не со злости и не из мести себе — не со злости и не из мести, а просто потому что живая, и у неё тоже бывают моменты, когда молчать уже невозможно...

Под утро дождь стих. Я лежала с открытыми глазами и слушала тишину, которая осталась после его слов. Такую тишину, которая бывает после настоящей музыки: когда она уже закончилась, а ты ещё не можешь говорить, потому что слова кажутся слишком маленькими для того, что только что случилось.

Маленький старик напоследок снова улыбнулся — той же улыбкой, что и у старой сосны в этнопарке, — как ребёнок, которому не терпится рассказать самое важное. Второй не улыбнулся. Просто кивнул, и этого было достаточно.

Чёрное озеро лежит среди уральских лесов, как зеркало, которое помнит всё, что когда-либо в него смотрело. Эта книга — попытка вернуть озеру его отражение, вернуть голос тем, кто слишком долго молчал. Вернуть имена местам, которые давно их заслужили. Рассказать о земле, у которой есть память, характерили. Рассказать о земле, у которой есть память, характер и судьба и которая не просит многого — только чтобы её слышали.

Вы держите в руках легенды Черноисточинска.

Они ждали вас давно.

ЛЕГЕНДА ПЕРВАЯ. ТАЙНА ЧЁРНОГО ОЗЕРА

Старый шаман с Чёрного озера назвал своё имя — Ялпынг-Ойка. Что значит «Святой Старик». Хотя духи обычно не называют своих имён. Чтобы их не позвали в неурочный час. А если назвался — значит, доверяет. И в ту, первую ночь, он приходил не только знакомиться. Тогда он рассказал мне о тайне Чёрного озера, которую не знал никто так, как знал её он. Потому что это была его история и его тайна.

— Слушай, дочка, пока я ещё помню дорогу обратно.

Было время — эти горы были молодые. Мы, вогулы, звали их Поясом бога Нуми-Торума, великого отца неба. Он бросил свой пояс на землю, и пояс лёг грядами, и поросли те гряды тайгой, и потекли с них реки.

Но до людей, до первого охотника, до первого следа лыжи на снегу — была тишина. И в той тишине жили пять великих Матерей: Мать Огня. Мать Воздуха. Мать Воды. Мать Земли. Мать Пространства.

И вот в один из первых дней Мать Земли поссорилась с Матерью Воды. Мать Земли сказала:

— Я сильнее. Я держу корни деревьев. Я укрываю золото и платину в своих недрах. Всё живое стоит на мне.

Мать Воды ответила:

— Но ты суха и неподвижна. Ты — тело. А я — кровь. Без меня ты умрёшь и станешь пылью.

Они долго спорили. Так долго, что гнев их поднялся выше Весёлых гор — туда, где живут мелкие духи облаков. И тогда Нуми-Торум, уставший от их ссоры, ударил в своё небесное бревно — и грянул гром.

— Хватит, — сказал он. — Ваш спор я решу так: Мать Воды войдёт в Мать Земли. Не победит её — но соединится с ней. И там, где они обнимутся, возникнет место особое — ни вода, ни суша, ни живое, ни мёртвое.

И тогда Мать Воды заплакала. Она плакала долго — семь раз по семь зим. Слезы её были тёмными — потому что она плакала о свободе, которую теряла, уходя в землю. В каждой слезе была горечь торфа — духа мха — и память о небе. Слезы падали на склоны гор — на те, что мы звали горой Ольховой и горой Еловой. И там, где слёзы собирались, земля прогибалась чашей. Чаша наполнялась. Вода в ней стояла тёмная, почти чёрная — потому что пришла она из самого сердца горя Матери Воды.

Так родилось Хор-Ям — Чёрное озеро.

Но слёзы не остановились. Когда чаша наполнилась, они перелились через край и потекли вниз — между горами, по камням, по корням старых елей. И этот поток тоже был тёмным. Тёмным и живым. Он нёс в себе и скорбь, и силу, и что-то ещё — что мы, шаманы, чувствуем кожей, но не можем назвать словом.

Так родилась Хор-Я — Чёрная река.

Мать Земли приняла её. Приняла слёзы Матери Воды и спрятала в своих глубинах. Но торфяная чернота воды так и осталась — как знак: здесь было горе, здесь был договор, здесь две великие силы стали одним.

А ещё Мать Земля, тронутая слезами сестры, подарила ей тайный дар. Там, где Чёрная река текла по её телу, земля открывала жилы. Жёлтые жилы. Белые жилы. Золото. Платина. Это была плата за слёзы. За то, что Вода согласилась войти в Землю и остаться.

Шли тысячелетия. Наши предки — первые люди, что пришли к этим берегам, — знали. Они знали, что Чёрное озеро — не просто вода. Они не рубили деревья у самого берега без

нужды. Они не кричали над водой. Они бросали в воду первую пойманную рыбу. Не из страха, а из благодарности. Возвращали Матери Воды часть её же дара.

Потом пришли другие люди. С железом, с грохотом, с плотинами. Они запрудили устье Чёрного истока и затопили озеро. Хор-Ям ушёл под воду большого пруда. Но он не исчез. Я знаю — на дне видны его ямы. Чёрная вода помнит форму чаши. Слёзы Матери не рассеиваются.

И Чёрная река течёт до сих пор. Делит поселение людей на два берега — как и всегда делила мир: на этот и тот. На видимый и скрытый. На живой и дремлющий. Не всякая чёрная вода — грязь. Иная чёрная вода — это память. И её нужно беречь, дочка.

Он замолкает. Поднимается. Медные бляхи на его плаще звенят — тихо, как далёкий ручей под снегом. Бубен делает последний удар. И старый шаман уходит. Обратно в тот из трёх миров, откуда пришёл. Туда, где его бубен превращается в лодку. И несёт его по подземной реке — чёрной, как торф, как память, как вода Хор-Яма.

«Хор-Ям — Чёрное озеро. Хор-Я — Чёрная река. Помни их настоящие имена»...

Историческая справка

1. Кто такие вогулы (манси): народ у подножия «Пояса Бога»

Манси — коренной народ Западной Сибири из семьи финно-угорских народов. До советского времени манси звали вогулами — по созвучию с рекой Вогулка в Пермском крае, где жили уральские аборигены.

До прихода русских территорию современной Свердловской области занимали манси. Первоначально манси (вогулы) были расселены на Южном Урале и его западных склонах, в Прикамье, Припечорье, на притоках Камы и Печоры, на Тавде и Туре, но под влиянием колонизации этой территории коми и русскими переселились в Зауралье.

Около двух тысяч лет назад Средний Урал активно заселяют финно-угорские племена ханты и манси. Они освоили культуру северных народов: способы охоты, рыбной ловли, разведения оленей, — но в верованиях, постройке жилищ, одежде, устном мифологическом творчестве сохранили своеобразие.

Именно поэтому в легенде шаман говорит о горах Среднего Урала как о «своих»: это не метафора, а историческая реальность. Земли у Чёрного озера и Весёлых гор входили в исконный ареал расселения вогулов. Екатеринбургское ведомство горного начальства указывало в конце XVIII века, что Черноисточинский завод был построен «на Государственной порожней и наёмной у вогуличей земле». Это прямое документальное подтверждение: земля у Чёрного озера была вогульской землёй.

2. «Пояс Бога» — Урал в мансийской космогонии

В легенде шаман говорит: «Мы, вогулы, звали горы Поясом Бога — Нуми-Торума, великого отца неба. Он бросил свой пояс на землю, и пояс лёг грядами».

Это не поэтическая вольность. Урал считается поясом бога, сотворившего мир и бросившего свой пояс на землю — таково подлинное мансийское предание, зафиксированное в источниках.

Высшие боги в пантеоне манси — Нуми-Торум и его отец Корыс-Торум. В религиозно-мифологических представлениях манси Космос включает три сферы: верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный) миры. Верхний мир — сфера обитания демиурга Нуми-Торума, по воле которого была создана Земля.

3. Три мира и роль шамана

В легенде шаман приходит из одного из «трёх миров» и уходит обратно «по подземной реке». Это точное отражение мансийских верований.

В религиозно-мифологических представлениях манси Космос делится на три сферы: верхнюю (небесную), среднюю (земную) и нижнюю (подземную). Распространённым представлением в сибирском шаманизме является картина трёх миров: верхнего (небесного), среднего (земного) и нижнего (подземного). Шаман — человек, который благодаря небесному избранию способен посредством Мирового Древа / Древа Жизни перемещаться между мирами для выполнения определённых задач: исцеления больного, предсказания, вызывания дождя.

Шаманизм играл важную роль в духовной жизни этих народов. Шаманы были посредниками между миром людей и миром духов; они проводили обряды и церемонии, призывая духов на помощь в охоте, рыбалке или исцелении больных.

Специальная одежда, произносимые фразы, удивительный танец и удары в бубен помогают шаману погрузиться в состояние изменённого сознания. Сторонники шаманизма верят, что в этот момент его душа покидает тело, устремляется в небеса или, напротив, уходит в подземный мир.

Бубен как лодка

В финале легенды бубен шамана «превращается в лодку». Этот образ также имеет аутентичные этнографические корни. У шаманского бубна есть различные функции: звуковой резонатор, показ образа как в зеркале, оружие в форме тарана, щит в непосредственном бою, лодка при погружении в Нижний мир. Шаманские песни (основа мелодики — импровизационная) сопровождаются ударами в бубен с У-образной рукояткой; инструмент используется только в шаманской практике.

4. Пять «Матерей» природы — откуда этот образ?

В легенде появляются пять великих Матерей: Огня, Воздуха, Воды, Земли и Пространства. Этот образ опирается на реальную традицию финно-угорских народов. Отдельные явления природы воплощают многочисленные духи-«матери» (ава): вют-ава — дух воды, кече-ава — солнца, мардеж-ава — ветра, шочын-ава — плодородия, тул-ава — огня, мланде-ава — земли и др. Для мордовской, марийской, удмуртской, саамской и эстонской мифологий характерны духи-матери природы и стихий: леса, воды, огня, ветра и др.

По существу, «духи» у хантов и манси являются персонификациями сил и явлений природы. Согласно поверьям манси, вся земля, реки и озёра поделены между различными духами, являющимися обычно духами-предками.

5. Чёрное озеро и вогульская земля: история встречи

До сооружения Черноисточинского пруда на его месте находилось несколько озёр, одно из которых называлось озеро Чёрное. Около 7—8 тысяч лет до нашей эры на берегах Чёрного озера располагались кратковременные стоянки мезолитических охотников.

Когда в XVIII веке пришли строить завод, описание места было таким: «под горою, на самом истоке речки, что течёт из Чёрного озера». Акинфий Никитич Демидов отправил к Чёрному озеру плотинного мастера Леонтия Злобина, который приступил к строительству плотины на реке Исток. После постройки плотины река Чёрный Исток потекла через её ларевые окна на водобойные колёса молотовых цехов. Весной 1729 года строительство завода завершилось.

До появления завода вокруг Чёрного озера жили немногочисленные семьи старообрядцев и беглых из центральной России. Они и стали первыми жителями нового посёлка Черноисточинского завода.

Таким образом, в легенде есть прямая историческая аллюзия: слова шамана «Потом пришли другие люди — с железом, с грохотом, с плотинами» — это буквальное описание строительства демидовского завода в 1726—1729 годах, поглотившего исконную вогульскую землю.

6. Золото и платина: «дар Матери Земли»

В легенде Мать Земля даёт рекам Чёрной «жёлтые жилы и белые жилы» — золото и платину — как плату за слёзы Матери Воды. Это тоже опирается на реальную геологическую историю края.

В 1825 году в окрестностях Черноисточинского завода по долинам рек Чауж, Чёрной, Мартьян, Берёзовки, Еланки, Бобровки и примыкающим логам были открыты золотоплатиновые россыпи. В том же году произошло открытие вблизи посёлка золотых и платиновых месторождений.

7. «Хор-Ям» и «Хор-Я»: о мансийских названиях

Мансийские слова, данные в легенде, — Хор-Ям (Чёрное озеро) и Хор-Я (Чёрная река) — построены в соответствии с реальной структурой мансийского языка. Исследователь малых народов Урала С. Скурыдин полагает, что название реки Тура происходит от мансийского Тере-Я, Выя — от Вой-Я; слово я в мансийском означает «река». Таким образом, компонент -Я в слове «Хор-Я» этимологически корректен и означает именно «река».

Итог:

Нуми-Торум, «великий отец неба» — Реальное верховное божество манси

Урал — «Пояс Бога» — Подлинное мансийское предание

Три мира вселенной — Аутентичная мансийская космогония

Духи-«Матери» природы — Реальный пласт финно-угорской мифологии

Бубен как лодка в нижний мир — Этнографически засвидетельствованный образ

Вогульская земля у Чёрного озера — Документально подтверждено (1729)

«Люди с железом и плотинами» — Демидовский завод, 1726—1729 гг.

Золото и платина в реке Чёрной — Реальные месторождения, открыты в 1825 г.

Тёмный цвет воды — Торфяники — реальная причина

Хор-Я / Хор-Ям — Мансийская языковая модель топонимов

Легенда — это не выдумка и не строгая наука. Это третье: живая память, которая умеет говорить о правде языком образа. Всё, что рассказал шаман во сне, — имеет корни в реальной земле. В реальной воде. В реальной истории.

ЛЕГЕНДА ВТОРАЯ, СТРАЖ МЫСА КРУТИКИ

— Вставай, дочка! Я пришёл к тебе во второй раз. Это я — Ялпынг-Ойка, старый шаман, чьи кости давно лежат в земле, но дух ещё бродит между мирами, как дым между деревьями.

Зачем я пришёл к тебе снова?

Я, Ялпынг-Ойка, пришёл к тебе во второй раз не потому, что мне скучно. Хотя мне бывает скучно. Мёртвые шаманы тоже скучают, только об этом не принято говорить. Я пришёл, потому что «Он» попросил. Не словами. «Он» давно не пользуется словами. «Он» попросил так, как просит ветер, когда дует в одну сторону три дня подряд: он не просит, он просто дует, и ты понимаешь... Слушай теперь снова. Слушай правильно.

Прежде чем был пруд — было озеро. Прежде чем было озеро — была река. Прежде чем была река — был лёд. А прежде льда — был огонь в яме, и человек у огня. Его звали так, как называют первый удар копья о воду, — коротко и резко, без эха. Имя его нельзя произносить вслух, потому что оно принадлежит духам, а не людям. Имена мёртвых охотников принадлежат нижнему миру, и если произнести такое имя вслух, то дух услышит и решит, что его зовут назад. А дорога назад для духа — это всегда дорога через чью-то живую грудь. Мы, манси, знаем это с рождения, а вам приходится объяснять. Поэтому я зову его просто: «Тот, кто остался». Ты поймёшь почему.

Он жил на мысу, который вы теперь зовёте Крутики, когда горы вокруг были ещё молодые и сердились — тряслись и скрипели по ночам. Он был охотником. Лучшим охотником среди восьми семей, что жили на берегу маленького холодного озера. Он умел читать след лося на мокром песке так же легко, как вы теперь читаете слова. Он умел ждать — день, два, три дня — неподвижно, как камень, пока зверь сам не подойдёт к воде. У него была женщина. У него были дети. У него был огонь. И было ещё кое-что. Было знание. Не то знание, что передаётся словами — от отца к сыну, от матери к дочери. Другое. То, что приходит само, когда долго сидишь один у воды и смотришь в неё, не мигая, пока вода не начинает смотреть в тебя в ответ.

Он знал, где кончается этот мир. И он видел, что за этой границей — не пустота. Там что-то есть. Что-то важное. То, что его народ потеряет, если уйдёт с этого места.

Пришла зима, которой не было конца. Не просто долгая зима — такие бывают, манси их знают и терпят. Это была другая зима. Злая. Она пришла и сказала: я не уйду. Снег лёг в конце осени и лежал до самого летнего солнца, и даже тогда только чуть подтаял сверху, а внутри остался твёрдым, как кость. Озеро не вскрылось. Рыба ушла вниз, в темноту. Лось ушёл за хребет, туда, где теплее. Восемь семей стали голодать. Старейшины сказали: надо уходить. Идти на север, к большой реке. Где другие люди, где можно попросить еды или отработать её. «Тот, кто остался» — не пошёл. Не потому что был упрямым. Не потому что не понимал опасности. Он не пошёл, потому что знал: здесь, под этим мысом, под этим камнем, в этой земле — лежит что-то, что нельзя бросить. Что-то, что держит это место живым. Якорь мира, как говорим мы, манси: невидимый камень, к которому привязана нить между землёй и небом.

Он пытался объяснить. Его не слушали. Голод — плохой слушатель. Люди ушли. Женщина взяла детей и ушла вместе со всеми. Она плакала, но ушла, потому что дети были важнее.

Он остался один. Он развёл огонь. Он ждал. Он охотился — один, без помощи, на морозе — и всё же находил зверя. Мыс кормил его. Мыс не бросил его, потому что он не бросил мыс. Но весны он не дождался...

Однажды утром он вышел к воде и лёг на лёд — просто лёг, лицом вверх, и закрыл глаза. Это было не от слабости или отчаяния. Он был ещё достаточно силён. Он лёг, потому что почувствовал: сейчас! Сейчас то, что он искал, откликнется. Если он сам станет тихим, как лёд. Если перестанет быть человеком хотя бы на один вдох...

На один вдох он перестал. И не вернулся. Тело его не нашли никогда. Лёд весной унёс его — или земля приняла? Но он остался. Остался не телом. Остался тем, чем остаются те, кто умер, не закончив дела.

Теперь слушай внимательно. Это главное. Ради этого я и пришёл к тебе в эти короткие ночные часы.

Он ищет не человека. Не охотника. Не учёного, хотя учёный Рикерт был близко — очень близко, ближе, чем думал сам.

Он ищет того, кто услышит. Понимаешь? Восемь тысяч лет он стоит на мысу и держит в руке копьё не потому, что хочет охотиться. Копьё — это знак. Знак того, что он ещё здесь, ещё не ушёл, ещё ждёт. На языке охотников поднятое копьё означает: я вижу зверя. Но зверь, которого видит он, — не зверь из плоти.

Он видит знание, которое уходит. Каждое поколение — оно уходит чуть дальше. Люди перестают слышать воду. Перестают читать след. Перестают сидеть тихо достаточно долго, чтобы вода посмотрела в них в ответ. И каждый раз, когда в конце апреля лёд трескается с грохотом, похожим на далёкий гром, он выходит на мыс и смотрит на другой берег. Он смотрит и спрашивает без слов — своим присутствием:

— Есть ли среди вас хоть один, кто умеет ждать? Есть ли среди вас хоть один, кто умеет молчать достаточно долго, чтобы земля заговорила сама? Есть ли среди вас хоть один, кто знает: якорь мира лежит не в городе, не в книге, не в машине, а вот здесь — под этим камнем, в этой глине, в этом холодном воздухе над водой?

Рыбак, который видит его первым на рассвете, — ловит много рыбы. Это не награда. Просто рыбак, который умеет ждать и молчать, уже похож на него. И мыс узнаёт своих.

Ты спрашивала меня про Рикерта. Я расскажу, что было на самом деле.

Той ночью, перед раскопками, учёный лежал в палатке и не спал — думал, что ничего не найдёт, что зря приехал, что это пустое место, каких много. И тогда «Тот, кто остался» пришёл к нему. Он не говорил. Он просто стоял в темноте палатки — огромный, пахнувший дымом и мокрой шкурой, и чем-то ещё, чему нет названия в русском языке, но на языке манси есть: пурт — запах земли, которая помнит огонь.

Он поднял руку — не с копьём, а просто руку. И указал вниз. Прямо вниз, сквозь пол палатки, сквозь землю. Рикерт понял это по-своему — как указание, где копать. Рикерт потом решил, что именно на это место было указано, и начал копать именно там. Нашёл кремнёвые наконечники и обрадовался, и написал отчёт, и всё это было правильно... И был прав, но только наполовину.

Потому что охотник указывал не на кремнёвые наконечники. Он указывал на то, что глубже. На то, что лежит ещё ниже — и чего Рикерт не нашёл, и никто ещё не нашёл. Там, глубоко под мысом Крутики, в слое, куда ещё не добралась ни одна лопата, — лежит первый огонь. Не угли и зола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.